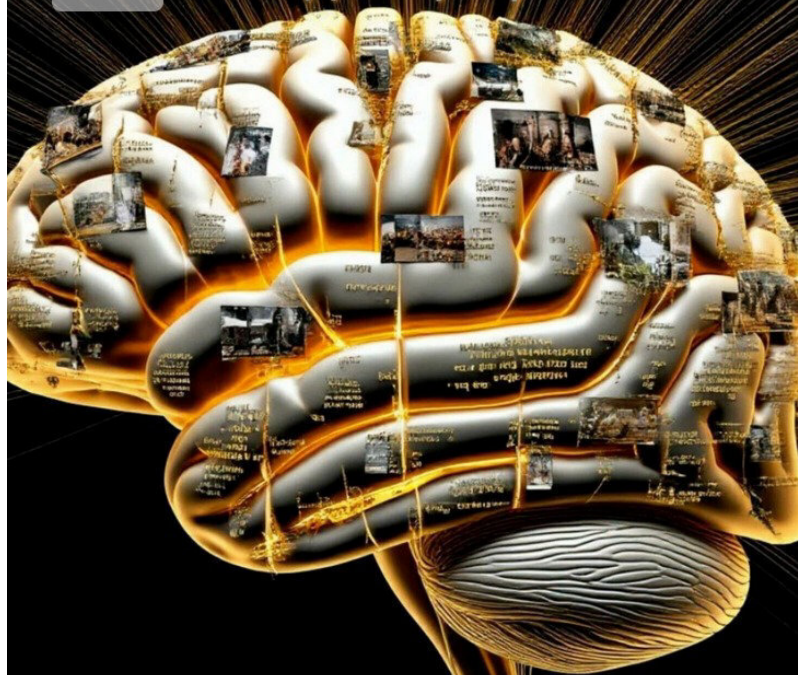

18+

Владимир Кром

Кэш-память

Владимир Кром

Кэш-память

<https://litres.ru/73871671>

ISBN 9785006978713

Аннотация

Десять рассказов о мире, где нейроинтерфейсы стерли границы между личностями. Где терапевты с ошибкой в коде ставят диагнозы, которые становятся реальностью. Где археологи спускаются в чужие кошмары. Где сны хранятся на сторонних носителях, а чужие мысли становятся литературой. Можно ли удалить себя, оставив только кэш-память? Можно ли загрузить инстинкт хищника и не стать добычей? И что остается от человека, когда его чувства помечены как «просрочка»? Ответы — внутри.

Содержание

Дефрагментация воспоминаний	5
Кейс номер 47: Женщина, которая не могла любить	7
Кейс номер 112: Мужчина, который нёс чужую вину	10
Кейс номер 178: Женщина, которая помнила чужую смерть	13
Моя собственная дефрагментация	16
Загрузка инстинкта в рациональный разум	20
Проект «Инстинкт»	21
Первый инстинкт: страх	23
Второй инстинкт: гнев	25
Третий инстинкт: влечение	27
Эпилог: рациональность, которая научилась чувствовать	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Кэш-память

Владимир Кром

© Владимир Кром, 2026

ISBN 978-5-0069-7871-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дефрагментация воспоминаний

Меня зовут Артём, и я — дефрагментатор.

Когда жёсткий диск вашего компьютера захламляется, он начинает тормозить, зависать, сбоить. Вы запускаете дефрагментацию — и файлы укладываются на свои места, система дышит свободно. С мозгом человека то же самое. Только файлы здесь — воспоминания. И когда они рассыпаются по закоулкам психики, когда страхи застревают между радостями, а любовь перепутана с болью, человек перестаёт быть собой. Он становится ошибкой чтения. Сбоем в собственной биографии.

Я это исправляю.

Технология проста до гениальности. Нейроинтерфейс «Рефраг» позволяет мне видеть структуру человеческой памяти как файловую систему. Я вижу кластеры, сектора, фрагменты. Вижу, где травма разорвала цепочку воспоминаний на куски. Вижу, где детская обида спряталась в сектор взрослой жизни и отравляет её. Я могу взять эти осколки, собрать их в правильном порядке и уложить обратно.

Я не стираю воспоминания. Я не переписываю их. Я просто навожу порядок. Раскладываю всё по полочкам, чтобы человек наконец перестал спотыкаться о собственное прошлое.

Официально это называется «глубинная психо-фрагмен-

тация». Неофициально — чистка черепной коробки.

Клиентов у меня много. Очень много. Мир полон людей, у которых память превратилась в свалку, и они сами не понимают, почему им так тяжело дышать.

Кейс номер 47: Женщина, которая не могла любить

Её звали Вероника. Тридцать пять лет, успешный архитектор, красивая, умная, богатая. Идеальная жизнь. И полное отсутствие способности любить.

— Я пробовала всё, — говорит она, усаживаясь в кресло. — Психотерапия, антидепрессанты, йога, медитации, смена страны, смена мужчин. Я могу испытывать страсть, могу уважать, могу быть благодарной. Но любить — нет. Как будто внутри выключили рубильник.

— Когда выключили?

— Не помню. Может, никогда и не было.

Я надеваю на неё шлем. Запускаю сканирование. Структура памяти выглядит странно — слишком ровно, слишком гладко. Как будто кто-то уже проводил здесь дефрагментацию до меня. Но непрофессионально.

Я начинаю копать. Первые слои — детство, школа, университет — всё на месте, всё упорядочено. Но чем глубже, тем больше аномалий. Фрагменты, которые не совпадают по датам. Эмоции, привязанные не к тем событиям. Ощущение тепла, записанное в сектор одиночества.

На глубине семи лет я нахожу разрыв. Место, где файловая система повреждена. Кто-то пытался залатать его, но сделал это грубо, оставив рваные края.

Я вхожу в воспоминание.

Семь лет. Комната. Я — маленькая Вероника, сижу на кровати, обхватив колени. В комнату входит мать. У неё красные глаза, она плачет. Она садится рядом и говорит:

— Твой отец ушёл. Навсегда. Он не любил нас. Вообще никогда не любил. Мужчины не умеют любить. Запомни это, дочка. Они не умеют. И никогда не научатся.

Она гладит меня по голове, а я чувствую, как что-то внутри меня закрывается. Не обида, не гнев. Что-то другое. Дверь. Тяжёлая, железная дверь, которая захлопывается перед тем отделом души, который отвечает за доверие к мужчинам.

Я выныриваю. Вероника смотрит на меня пустыми глазами.

— Она сказала это один раз, — тихо говорю я. — Всего одну фразу. Но твой мозг записал её как инструкцию на всю жизнь. Мужчины не умеют любить. Никогда не научатся. И ты следовала этой инструкции тридцать лет.

— Я не помнила этого разговора.

— Ты вытеснила его. Но инструкция осталась. Она встроилась в твою операционную систему и работала в фоновом режиме. Каждый раз, когда мужчина пытался тебя полюбить, твой мозг говорил: «Это ложь. Мужчины не умеют любить. Закройся».

— Я могу это исправить?

— Могу переписать этот фрагмент. Не стереть — это бы-

ло бы преступлением против твоей истории. Но переставить его в правильный контекст. Сделать так, чтобы эта инструкция стала не законом, а просто воспоминанием. Одним из многих.

Мы работаем три сессии. Я не стираю слова матери. Я добавляю к ним другие слова. Слова отца, который любил, но не умел говорить об этом. Слова деда, который прожил с бабушкой шестьдесят лет и умер через неделю после неё. Слова мальчика из школы, который таскал за Вероникой портфель и краснел, когда она смотрела на него.

Я собираю эти фрагменты в один файл. Переименовываю его из «Мужчины не умеют любить» в «Некоторые мужчины не умеют говорить о любви, но это не значит, что они не чувствуют».

В последний день Вероника приходит с мужчиной. Смотрит на него и улыбается. Я вижу — рубильник включился.

— Спасибо, — говорит она. — Я чувствую. Впервые в жизни.

Я киваю. Но знаю, что дефрагментация — это только начало. Теперь ей придётся учиться пользоваться тем, что она обрела. Это сложнее, чем навести порядок в файлах.

—

Кейс номер 112: Мужчина, который нёс чужую вину

Клиент — Сергей, сорок два года, бизнесмен. Жалоба: постоянное чувство вины, которое не имеет причин.

— Я не сделал ничего плохого, — говорит он, комкая в руках платок. — Я хороший отец, хороший муж, честный предприниматель. Но каждое утро я просыпаюсь с мыслью: «Ты виноват. Ты должен исправить. Ты недостаточно стараешься». Это чувство разъедает меня изнутри.

— Когда оно началось?

— Всегда. Сколько себя помню.

Запускаю сканирование. Память Сергея — это хаос. Фрагменты разбросаны по всей системе, эмоции привязаны к неправильным событиям, даты перепутаны. Но самое странное — я вижу файлы, которые не принадлежат ему. Чужие воспоминания, встроенные в его личную историю.

Я начинаю копать. Глубоко. На уровень, который мы называем «семейным архивом».

Вхожу в воспоминание, которое не было пережито Сергеем.

Мальчик лет десяти. Он стоит в углу комнаты и смотрит, как отец бьёт мать. Он хочет вмешаться, но боится. Он сжимает кулаки, кусает губы до крови, но стоит на месте. Потом отец уходит, мать поднимается с пола, вытирает кровь с раз-

битой губы и говорит мальчику:

— Это ты виноват. Если бы ты лучше учился, он бы не злился. Если бы ты был послушнее, он бы не пил. Это ты. Ты. Ты.

Мальчик верит. Потому что дети всегда верят. Он вырастает, забывает этот день, но фраза «это ты виноват» встраивается в его операционную систему как базовая. Всю жизнь он ищет, в чём виноват. Всю жизнь он пытается исправить то, чего не делал.

Я выныриваю. Сергей плачет.

— Это не моё, — шепчет он. — Это не я. Это они.

— Это вина твоего отца, которую твоя мать переложила на тебя. Она не смогла справиться с болью и передала её тебе. Ты нёс её тридцать два года.

— Я могу её снять?

— Я могу отделить её от тебя. Вернуть туда, где ей место.

Мы работаем. Я вынимаю фрагменты чужой вины из его памяти, собираю их в один файл, помечаю именем отца. Это не больно. Это похоже на то, как вытаскивают занозу, которая сидела так глубоко, что кожа срослась с ней.

В последний день Сергей приходит счастливый.

— Я проснулся утром и впервые не услышал этот голос. Тишина. Просто тишина. Я даже испугался сначала — подумал, что оглох. А потом понял: это не я оглох. Это он замолчал.

— Он не замолчал. Он просто вернулся к хозяину.

— Пусть теперь он с ней живёт. А я буду жить без.

Кейс номер 178: Женщина, которая помнила чужую смерть

К третьему клиенту я готовлюсь особенно.

Её зовут Марина, ей двадцать восемь, она художница. Жалоба: навязчивые образы смерти, которые возникают без причины. Она видит их во сне, на холсте, иногда даже наяву — на секунду, но этого хватает, чтобы сердце остановилось.

— Я рисую цветы, — говорит она, — а вижу венки. Я смотрю на любимого, а вижу его в гробу. Это не мои мысли. Я не хочу этого. Но они приходят.

Запускаю сканирование. Личная память Марины чиста — никаких смертей, никаких травм. Родовые слои тоже. Но на глубине, на уровне, который я называю «генетическим архивом», я нахожу аномалию.

Вхожу в воспоминание.

Война. Блокада. Зима. Маленькая девочка, прабабка Марины, сидит на полу рядом с мёртвой матерью. Она не плачет. Она просто смотрит. Ей пять лет. Она не понимает, что такое смерть. Она просто знает, что мама больше не встанет. И она запоминает это. Запоминает всем телом, каждой клеткой, каждой молекулой памяти.

Это воспоминание передаётся через поколения. От прабабки к бабке, от бабки к матери, от матери к Марине. Сто лет. Четыре поколения. Одна смерть, которая никак не мо-

жет умереть.

Я выныриваю.

— Это не твоя смерть, — говорю я. — Это смерть твоей прабабки. Она увидела её в пять лет и запомнила на всю жизнь. А потом передала дальше.

— Я ношу это сто лет?

— Да. Твоя прабабка умерла в прошлом веке. Но её страх, её горе, её смерть — они всё ещё здесь. В тебе. В твоей памяти.

— Я могу это отдать? Я могу перестать видеть?

— Можешь. Но сначала ты должна научиться смотреть на это не как на свой страх, а как на историю своей семьи. Это не твоя смерть. Это её смерть. Ты просто хранительница.

Мы работаем. Я не удаляю воспоминание — это было бы предательством. Я переупаковываю его. Помещаю в красивую рамку, как фотографию в семейном альбоме. Марина учится смотреть на эту смерть не как на свою, а как на часть своей истории.

В последний день она приносит картину. На ней — маленькая девочка, сидящая рядом с матерью. Но мать не мертва. Она спит. И девочка ждёт, когда она проснётся.

— Я переписала финал, — говорит Марина. — В моей версии мама проснулась. И девочка выросла. И у неё были дети. И у них — свои дети. И вот я.

Она плачет. Я молчу.

— Спасибо, — говорит она. — Я больше не боюсь смерти.

Она просто часть альбома.

Моя собственная дефрагментация

Вечером я возвращаюсь домой. Сажусь в кресло и смотрю на потолок.

Я дефрагментировал сотни людей. Разобрал по полочкам чужие страхи, чужие травмы, чужие смерти. Но свою собственную память я так и не привёл в порядок.

Где-то там, в глубине моей системы, есть файл. Один файл, который я не могу открыть. Воспоминание о том дне, когда я был мальчиком и мама сказала мне: «Ты не должен был родиться». Она сказала это в запале, она потом извинялась, она любила меня. Но эти слова встроились в мою операционную систему глубже, чем любая любовь.

Я живу с этим тридцать лет. Каждое утро я просыпаюсь и слышу: «Ты не должен был родиться». Я стал дефрагментатором, чтобы наводить порядок в чужих головах. Но в своей — так и не решился.

Я надеваю шлем. Запускаю сканирование. Иду вглубь.

Семь лет. Я — маленький, сижу на кухне, рисую. Мама входит, она плачет, она ссорилась с отцом. Она смотрит на меня, и в её глазах такая усталость, такая боль, что она не выдерживает.

— Ты не должен был родиться, — говорит она. — Если бы не ты, я бы ушла от него. Я бы жила своей жизнью. Ты меня держишь. Ты.

Я смотрю на эту сцену со стороны. Вижу маленького мальчика, который не понимает, что сделал не так. Вижу женщину, которая выплёскивает боль на того, кто не виноват.

Я подхожу к ним. Кладу руку на плечо мальчику.

— Это не ты, — говорю я ему. — Это она. Ты не держишь её. Она сама не может уйти. И ей легче обвинить тебя, чем признать свой страх.

Мальчик поднимает на меня глаза. Мои глаза.

— Правда?

— Правда. Ты не должен был не родиться. Ты должен был родиться. И ты здесь. И ты нужен. Мне. Ей. Этому миру.

Я обнимаю его. Маленького себя. И чувствую, как что-то во мне разжимается. Двадцать лет сжатости. Тридцать лет вины. Сорок лет жизни с фразой, которая не была правдой.

Я вынимаю этот файл. Переписываю его. Оставляю только суть: мама была несчастна. Но это не моя вина.

Я открываю глаза. В комнате тихо. За окном — ночь.

Я впервые за долгое время чувствую себя... пустым. Но не той пустотой, которая была раньше — чёрной, давящей. А другой. Чистой. Как после генеральной уборки.

Я дефрагментировал себя.

—

Наутро я иду на работу. В приёмной сидит новый клиент. Молодая женщина с затравленным взглядом.

— Я не знаю, что со мной, — говорит она. — Я боюсь успеха. Каждый раз, когда у меня всё хорошо, я сама всё раз-

рушаю. Мне кажется, я не заслуживаю счастья.

— Садитесь, — говорю я. — Сейчас мы посмотрим, что у вас внутри.

Я надеваю на неё шлем. Запускаю сканирование.

Смотрю на структуру её памяти и вижу знакомые очертания. Знакомую аномалию. Кто-то когда-то сказал ей, что она не заслуживает. И это слово встроилось в её операционную систему. Как когда-то в мою.

Я улыбаюсь.

— Я знаю, что мы найдём, — говорю я. — И я знаю, как это исправить.

Я начинаю дефрагментацию. Копаясь в её памяти, вынимаю чужую вину, перекладываю фрагменты, восстанавливаю цепочки.

К вечеру она уходит счастливая. Я остаюсь один в кабинете.

Смотрю на пустое кресло и думаю о том, сколько ещё людей придут. Сколько ещё фрагментов предстоит собрать. Сколько ещё слов, сказанных в гневе, страхе, усталости, нужно переписать, переупаковать, вернуть на место.

Это моя работа. Моё предназначение. Моя дефрагментация.

Потому что каждый раз, когда я чиню чужую память, я чиню и свою. Каждый раз, когда я говорю клиенту: «Это не твоя вина», — я слышу это и сам.

Мы все — фрагменты. И только тот, кто собирает их в

правильном порядке, становится целым.

Я закрываю институт и иду домой. В темноте улиц, в огнях города, в лицах прохожих я вижу одну и ту же структуру. Фрагментированную. Разрозненную. Ждущую сборки.

Я не могу помочь всем. Но каждому, кто входит в мою дверь, я говорю:

— Садитесь. Мы сейчас наведём порядок. И вы наконец-то сможете дышать.

Потому что дышать — это не просто впускать воздух. Дышать — это быть целым. А быть целым — это когда все твои воспоминания на своих местах.

Даже самые тяжёлые.

Даже те, что хотелось бы забыть.

Даже те, что когда-то сказали тебе, что ты не должен был родиться.

Я дефрагментировал это. И теперь я знаю: я должен был. И я здесь. И я делаю то, что должен.

Этого достаточно.

Загрузка инстинкта в рациональный разум

Меня зовут Виктор, и я — самый рациональный человек на Земле.

Это не хвастовство. Это диагноз. Моя жизнь подчинена логике, каждый шаг просчитан, каждое решение взвешено. Я не знаю, что такое страх перед темнотой, не понимаю, почему люди плачут на похоронах, не чувствую той дурацкой эйфории, когда весной распускаются листья. Мой мозг — идеальный процессор. Эмоции в нём — баги, которые я давно отладил. Инстинкты — устаревшие программы, которые я удалил за ненадобностью.

Я был счастлив в своей рациональности. Или нет? Я не знаю, что такое счастье. Я знаю, что такое оптимальное функционирование. Этого мне хватало.

До вчерашнего дня.

Проект «Инстинкт»

Меня пригласили в институт нейротехнологий для участия в эксперименте. Научная группа разработала протокол загрузки базовых человеческих инстинктов в кору головного мозга. Не эмуляции, не симуляции, а настоящих, живых инстинктов — выделенных из донорского мозга, очищенных, сконцентрированных, готовых к имплантации.

— Зачем? — спросил я, просматривая протокол.

— Мы хотим понять, может ли рациональный человек научиться чувствовать, — ответила руководительница проекта, женщина с умными глазами и белым халатом. — Вы — идеальный кандидат. Ваша кора головного мозга не имеет эмоциональных наслоений. Мы сможем наблюдать чистый эффект.

— А если инстинкты возьмут верх?

— Вы всегда сможете их отключить. Это обратимая процедура.

Я согласился. Из чистого научного интереса.

Операция длилась четыре часа. Мне вживили нейроинтерфейс, на который были загружены три базовых инстинкта: страх, гнев и влечение. Не социальные конструкты, не культурные надстройки, а чистые, животные, первобытные программы. Те, что заставляли наших предков бежать от хищника, бросаться на обидчика и искать пару для продол-

жения рода.

— Как вы себя чувствуете? — спросила врач, когда я открыл глаза.

— Никак, — ответил я. — Интерфейс активен, но я не чувствую изменений.

— Подождите. Инстинкты не включаются по щелчку. Они ждут стимула.

Я кивнул и пошёл домой. По пути зашёл в магазин, купил продукты, рассчитал оптимальный маршрут до квартиры. Всё как обычно. Никаких инстинктов. Я уже решил, что эксперимент провалился.

А потом я переходил дорогу.

Первый инстинкт: страх

Я стоял на пешеходном переходе, ждал зелёный свет. Всё как обычно. Рассчитал скорость движения машин, дистанцию, время реакции. Зелёный загорелся, я сделал шаг.

И в этот момент грузовик, который должен был остановиться, не остановился. Я увидел его краем глаза, рассчитал траекторию, понял, что успею перейти, если ускорюсь. Это была чистая математика. Я уже начал движение.

А потом внутри меня что-то взорвалось.

Моё тело рвануло вперёд так, что я едва не упал. Сердце колотилось, как бешеное, дыхание перехватило, руки задрожали. Я отскочил на тротуар за долю секунды до того, как грузовик пронёсся мимо.

Я стоял, согнувшись, хватая ртом воздух, и не понимал, что произошло. Мои расчёты были верны. Я успевал. Но моё тело решило иначе. Оно среагировало быстрее, чем я успел подумать. Оно испугалось.

— Это был страх, — сказала врач, когда я позвонил ей вечером. — Первобытный, животный страх. Он не спрашивает разрешения. Он не анализирует. Он спасает жизнь.

— Но я успевал, — возразил я. — Мои расчёты...

— Ваши расчёты не учитывали человеческий фактор. Водитель мог нажать на газ. У него могли отказать тормоза. Страх учитывает всё, что вы не можете просчитать. Он про-

сто знает: опасность. Беги.

Я молчал. Впервые в жизни я сделал что-то не потому, что рассчитал, а потому, что почувствовал. И это чувство спасло мне жизнь.

— Как мне это отключить? — спросил я.

— Вы сами сказали, что будете наблюдать чистый эффект. Наблюдайте.

Она отключилась.

Второй инстинкт: гнев

Следующие дни я привыкал к страху. Он включался в самых неожиданных местах — когда я переходил дорогу, когда подходил к краю платформы, когда входил в тёмный переулок. Моё тело реагировало быстрее разума, и это было непривычно, но... эффективно. Я не пострадал ни разу. Страх работал.

Но гнев пришёл неожиданно.

Я стоял в очереди в кафе. Мужчина передо мной громко разговаривал по телефону, никого не замечая. Я просчитал оптимальную стратегию: вежливо попросить его говорить тише или подождать, пока он закончит. Всё рационально.

А потом он толкнул меня локтем, даже не извинившись.

Внутри меня что-то щёлкнуло. Я почувствовал, как кровь приливает к лицу, как сжимаются кулаки, как челюсти смыкаются. Я захотел ударить его. Физически, осязаемо захотел. Не для того, чтобы доказать правоту, не для самозащиты. Просто — ударить. Потому что он посмел меня толкнуть.

Я сдержался. С трудом, но сдержался. Вышел из кафе, сел на скамейку и долго смотрел на свои дрожащие руки.

— Это был гнев? — спросил я врача вечером.

— Да. Чистый, животный гнев. Он не анализирует социальный контекст. Он не спрашивает, уместно ли бить чело-

века за то, что он тебя толкнул. Он просто говорит: «Он нарушил твои границы. Уничтожь его».

— Но это же опасно. Гнев разрушает социальные связи.

— Гнев защищал наши границы сотни тысяч лет. Без него вас бы затоптали. Он не враг. Просто вы не умеете им пользоваться.

— Я не хочу им пользоваться. Я хочу его отключить.

— Наблюдайте, — снова сказала она. — Вы ещё не видели главного.

Третий инстинкт: влечение

Главное пришло через неделю.

Я сидел в кафе, работал над отчётом, пил кофе. Всё как обычно. Ровно, спокойно, рационально. А потом вошла она.

Я не заметил её сразу. Мои алгоритмы распознавания лиц зафиксировали женщину, примерно тридцати лет, симметричные черты, здоровый цвет лица — стандартный профиль. Ничего особенного.

А потом мой пульс подскочил до ста двадцати.

Я поднял глаза. Она стояла у стойки, заказывала кофе, и я не мог отвести взгляд. Не потому, что я её анализировал. Потому что моё тело решило за меня. Я смотрел на её руки, на шею, на волосы. Я чувствовал запах её духов через всю комнату. Я хотел подойти, заговорить, коснуться.

— Что со мной? — прошептал я, чувствуя, как горло пересыхает.

Это было не похоже ни на страх, ни на гнев. Это было глубже, древнее, сильнее. Моё тело требовало одного: быть рядом с ней. Продолжить род. Сделать так, чтобы наши гены смешались и выжили.

Я не мог этого контролировать. Я, который всю жизнь контролировал всё, вдруг превратился в марионетку собственного инстинкта.

Я встал. Подошёл к стойке. Открыл рот, чтобы загово-

ритель.

— Вы... — начал я и замолчал. У меня не было слов. Рациональная речь отключилась. В голове остался только один приказ: *она должна стать твоей*.

— Да? — повернулась она. Глаза карие, тёплые, с морщинками в уголках.

— Вы не могли бы... — я запнулся. — Вы не могли бы подсказать, где здесь сахар?

— Вон там, — она улыбнулась и указала на стойку в двух метрах от меня. Сахар лежал прямо перед моим носом. Я его не видел. Я видел только её.

Я взял сахар, вернулся за столик и больше не смотрел в её сторону. Я не мог. Боялся, что сделаю что-то непоправимое.

Вечером я позвонил врачу.

— Отключайте, — сказал я. — Всё. Страх, гнев, влечение. Я не хочу быть животным.

— Вы не стали животным, — ответила она. — Вы стали человеком.

— Я был человеком и без этого.

— Вы были процессором. Холодным, эффективным, идеальным. Но не живым.

— Я был счастлив.

— Вы не знаете, что такое счастье. Вы сами мне это говорили.

Я молчал. Потому что она была права.

— Дайте себе время, — сказала врач. — Инстинкты не

управляют вами. Они просто дают вам информацию, которую вы раньше не получали. Страх говорит: «Здесь опасно». Гнев говорит: «Здесь нарушили твои границы». Влечение говорит: «Здесь тот, кто может стать твоей семьёй». Вы можете проигнорировать эту информацию. Но зачем вы её отключаете?

— Потому что она мешает думать.

— Она заставляет вас чувствовать. А чувствовать — это не значит быть глупым. Это значит быть целым.

Эпилог: рациональность, которая научилась чувствовать

Я не отключил инстинкты.

Прошёл месяц. Страх больше не парализует меня — он просто предупреждает. Гнев не толкает на драку — он говорит, где пролегают мои границы. А влечение... с ним сложнее всего.

Я нашёл её. Ту женщину из кафе. Выяснил, где она работает, составил оптимальную стратегию знакомства, рассчитал вероятность успеха. А потом выбросил все расчёты и просто подошёл.

— Здравствуйте, — сказал я. — Я тот мужчина, который спросил у вас про сахар. На самом деле сахар мне был не нужен. Мне нужно было с вами познакомиться.

Она улыбнулась. Так же, как в тот день.

— Я знаю. Сахар был в двух метрах от вас.

— Вы заметили?

— Вас трудно было не заметить. Вы стояли и смотрели на меня так, будто я была единственным человеком в комнате.

— Вы и были единственным. В тот момент.

Она замолчала. Посмотрела на меня внимательно, изучающе.

— Вы всегда такой прямой?

— Раньше я был рациональным. Теперь я учусь чувствовать.

вать. Простите, если это выглядит странно.

— Не извиняйтесь. Это выглядит... живо.

Мы встретились через день. Потом ещё через день. Потом она сказала, что я странный, что я слишком много анализирую, что иногда я веду себя как робот, которому дали человеческую кожу. А потом она сказала, что это её забавляет.

Вчера я держал её за руку. Впервые в жизни я делал что-то не потому, что рассчитал, не потому, что это оптимально, не потому, что инстинкт приказал. А просто потому, что мне *хотелось*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.